

Золотая кошка

Автор:

Юстасия Тарасава

Золотая кошка

Юстасия Тарасава

Необычные получились каникулы – сначала из старого зеркала выпала карта клада, потом Катя поехала с папой в археологическую экспедицию, а там случилось и вовсе невероятное... Хотя так ли уж это невозможно, войти в пещеру в нашем мире, а выйти – в скифском, несколько тысяч лет назад? И как вести себя в этом незнакомом мире? И что сделать, чтобы вернуться обратно, в своё время? И какое отношение к этим перемещениям во времени имеет Золотая кошка? Кто она вообще такая и при чём тут клад? Читателям предстоит выяснить это вместе с Катей.

Юстасия Тарасава

Золотая кошка

Зеркало разбилось внезапно. Стекланные брызги со звоном полились на пол. Катя смотрела на водопад осколков, не в силах отвести взгляд.

Прибежала мама, обняла.

– Девочка моя! Как ты меня напугала! С тобой всё в порядке, ты не порезалась? – она осмотрела Катины ладошки.

– Мам, да я вообще ни при чём! Оно само, – оправдывалась Катя. – Я к нему даже не подходила. А оно как зазвенит, как лопнет... – она всхлипнула.

– Так бывает, – кивнула мама. – Это очень старое зеркало. Оно досталось мне от бабушки, а ей от её бабушки, а ей...

– Ой, что это?! – перебила Катя.

– Где? – оглянулась мама.

– Да вот же. Мам, посмотри, в зеркале что-то непонятное.

Мама обернулась. В разошедшейся деревянной раме, там, где ещё совсем недавно красовалось старинное зеркало, а теперь, ощерясь клыками осколков, зиял провал, выделялось светлое прямоугольное пятно.

– Это... бумага? – удивилась Катя, глядя на плотный желтоватый лист. – А выглядит как ткань.

– Похожа на старинный пергамент, который папа нам в музее показывал, – заметила мама, подходя к зеркалу.

Они долго разглядывали странные закорючки, стрелочки и рисунки.

– Ничего не понимаю, – вздохнула Катя.

– По-моему, вот река, вот лес, вот люди. А это... кошка? – растерялась мама. В уголке листа улыбалась, выгибая позолоченную спину, нарисованная кошка.

– Мам, а тебе не кажется, что это карта?

– Наверное, так и есть, – согласилась мама и они снова принялись разглядывать листок.

Затянувшееся молчание взволнованно и решительно прервала Катя: – Это точно карта! Здесь зарыт клад! Ты как знаешь, а я звоню папе.

Мама протянула ей телефон.

Родители Кати развелись. Что поделаешь, так бывает. Никто не виноват, просто родители оказались слишком разными. И интересы у них разные, и образ жизни. Несовместимые. Мама – модельер. Она всё время дома что-то рисует, кроит, а потом увозит разноцветные тряпичные коконы в ателье и готовит новые коллекции одежды. Папа – археолог. По полгода дома не бывает, уезжает на полевые работы. Это значит, что он с другими археологами с весны до осени раскапывает старинные поселения, ищет чудом сохранившиеся вещи тысячелетней давности.

А мама с Катей всё лето живут на даче, цветы поливают, ягоды собирают, в пруду купаются, лягушек пугают, ловят бабочек и помогают бабушкам. Потому что бабушки, в отличие от родителей, разводиться и не думали, а продолжали вместе Катюшу растить. Мама Катина на цветы-ягоды насмотрится и тянет её рисовать, одежду создавать. Цветочно-ягодную.

А бабушки тут как тут. Катеньку покормят, сказку расскажут, молочка с мёдом дадут, косички заплетут, спать уложат, грядки польют, ягоды соберут, варенья наварят, весь погреб банками заставят. А папа осенью вернётся – и варенье готово, и новый показ мод, и бабушки рады, и Катя. Одна только мама брови хмурит. Потому что у всех мужья как мужья, а у неё бродяга. Вот они и расстались. Стала Катя то с мамой, то с папой жить. Но с мамой, конечно, больше, мама ведь на полевые работы не ездит. Бабушки вздохнули и стали по очереди за Катенькой в школу ходить, обедами кормить, в музыкалку водить, уроки с ней учить и на каток возить. На то они и бабушки.

А потом наступили каникулы. В честь каникул устроили настоящий праздник. Бабушки напекли всяких вкусностей, мама нарядила квартиру гирляндами, в гости пришли Катины друзья, чтобы хорошенько наиграться перед летней разлукой.

Катя с мамой повеселились в парке, и стали на дачу собираться. Маленький розовый автобус, работающий в мамином ателье, перевёз их на дачу.

Обычно этот автобус развозит по магазинам красивую одежду, но иногда с удовольствием катается за город. На дачи, в лес за грибами, на речку купаться, в горы. На маминой работе без таких поездок нельзя, без них вдохновения нет. А

без вдохновения ничего хорошего не придумает. Поэтому маленький розовый автобус любит выезжать на природу. Он перевёз бабушек, маму и Катю на дачу и, оставив их распаковывать вещи, укатил в город.

А на даче разбилось зеркало. Вот тогда-то всё и началось...

Папа с интересом выслушал Катин рассказ.

– Значит, зеркало разбилось само и внутри оказалась карта сокровищ? – улыбнулся папа. – Давай посмотрим.

Он подошёл к зеркалу и присвистнул: – Ух ты! Да это же...

Папа побледнел, потёр глаза кулаками и снова посмотрел на карту.

– Это же... – голос его осёкся, и папа еле слышно прошептал: – Нонна! – шёпот перешёл в крик. – Нонна!

Прибежала испуганная мама: – Что стряслось?

– Нонночка! Неси скорее фотоаппарат. Этот клад надо запечатлеть.

– Фантазёр! И Катя вся в тебя. Клады, карты, – проворчала мама, выходя из комнаты.

Через минуту она вернулась с фотоаппаратом.

– Да нет же, Нонночка, это не фантазии, – возразил папа. – Это старинный документ и я боюсь, что он рассыплется, когда мы попытаемся его прочитать.

Катя недоверчиво посмотрела на карту. Бумага, конечно, необычная. Плотная, шершавая и цвет коричневый. Когда Катя училась в первом классе и бабушка пролила чай на её прописи, они долго сушили тетрадку феном, листы в ней стали такими же бурыми и скукоженными. Так что ещё неизвестно, старая эта карта или тоже чаем облитая.

Папа заснял карту со всех сторон. Прикосаться к старинным вещам всегда боязно. Они порой до того ветхие, что только пальцем тронешь – и документ превращается в горсточку трухи. Уж кому как не археологу это знать.

– Приступим, – решился папа. – Нонна, каждый кадр дорог для науки, – он отдал маме фотоаппарат и позвал Катю. – Катёнок, иди сюда. Будешь мне помогать.

– А что делать, пап? – с готовностью отозвалась Катя.

– Первым делом подстелим чистую клеёнку.

Папа взмахнул висевшей на спинке стула тканью. Мама Нонна вздохнула, глядя, как он застилает стол будущим платьем из её новой коллекции, но ничего не сказала.

– Папа, это не клеёнка, – начала было Катя, но мама махнула рукой. Её муж всегда был невнимательным ко всему, что не связано с его наукой.

– Да? – удивился папа. – А что это?

– Это мамина заготовка к показу мод.

– Надо же! – папа изумился ещё больше. – А я думал, одежду только из красивых тканей шьют. А это какая-то невзрачная, неинтересная, вот я и подумал, что это тряпка хозяйственная.

– Эх, Дима, Дима! – засмеялась мама Нонна. – Может, это и не самая красивая ткань, зато с ней хлопот меньше. Неужели ты не замечаешь, что люди выбирают тёмную немаркую одежду, так проще. Ничего-то тебя, кроме твоих раскопок не интересует!

Катя поняла, что наступил опасный момент. Сейчас родители могут начать выяснять, кто из них меньше внимания уделял другому, и почему они, собственно, развелись. Надо их остановить, пока не поздно.

– Папа, а как мы будем карту откреплять от зеркала?

В комнате повисла тишина. Наконец папа откашлялся и торжественно произнёс: – Устами младенца глаголет истина. Надо вызвать скорую археологическую помощь. Без нашей группы здесь, похоже, не обойтись.

И он принялся звонить своим коллегам. Слушая, как папа рассказывает о находке в их зеркале и приглашает сослуживцев извлекать старинную бумагу по всем правилам науки, Катя была довольна. Каникулы начинали ей нравиться.

Приехали археологи, Катя их уже видела раньше у папы в институте. Этнограф Ян Карлович, спокойный, добродушный и в то же время строгий, похожий на директора школы. Художник-реставратор Зинаида Ивановна, которую Катя втайне считала постаревшей Мальвиной. И водитель Глеб.

Прибыли бабушки Раиса Семёновна и Лариса Антоновна, и сразу принялись стряпать пироги.

Прикатила на маленьком розовом автобусе Галя из ателье, привезла эскизы мамы Нонны и своего сына Гришку, Катиного одноклассника.

В доме стало шумно и весело.

Подумать только – здесь, на обычной даче, в развалюхе-зеркале была спрятана карта, а они столько лет жили и ничего не знали об этом! И теперь учёные открыли свои чемоданчики, в которых рядами лежат сверкающие металлические инструменты и стоят загадочные баночки и пузырьёчки, а Зинаида Ивановна натянула тонкие хирургические перчатки и развела в маленькой ванночке едко пахнущую смесь. В эту завораживающе-таинственную минуту Катя боялась моргнуть, чтобы не пропустить самое интересное. Этого Катя не перенесла бы.

Они с Гришей стояли рядом со взрослыми и их никто не прогонял. Их даже не замечали. Зинаида Ивановна священнодействовала, а остальные молча стояли полукругом, не спуская глаз с кисточки, наносившей на бумагу смесь. Бумага набухла и потемнела. Папа Дима взял из чемоданчика нож и осторожно поддел краешек старой карты.

– Дима Аркадьевич, – мягко оттеснила его Зинаида Ивановна, – позвольте мне.

– Почему она так странно назвала твоего папу? – спросил Гриша.

– Не знаю, – пожала плечами Катя, – на работе его все так зовут. С одной стороны, уважают и поэтому по отчеству. С другой стороны, мама говорит, что он навсегда останется ребёнком, поэтому Дима.

Дима Аркадьевич с сожалением посмотрел на зеркало, но скребок отдал. –
Пожалуйста.

Зинаида Ивановна начала бережно отлеплять бумагу от зеркала, осторожными движениями просовывая нож под бумагу. Дело продвигалось медленно и Кате казалось, что нож находится на одном месте.

– Застрял он там, что ли? – пробурчала она.

– Терпение, Катёнок, терпение, – успокоил папа. – Запасись терпением, оно –
главный инструмент археолога.

Катя вздохнула. Вот как раз с терпением у неё дела обстояли неважно, вечно
его не хватало.

Наконец Зинаида Ивановна положила бумагу на стол. Обратная сторона листа
оказалась вся исписана затейливыми переплетающимися буквами.

– А это на каком языке написано? – спросила Катя.

– На русском, – ответил Ян Карлович. – Это очень старый русский язык.

– Коллеги, я вас поздравляю! – сказала Зинаида Ивановна. – Эти письма явно
не младше петровских времён.

Все обступили стол и разглядывали находку.

Гриша протянул руку к бумаге, но Глеб успел схватить его за локоть.

– Что ты! Руками трогать нельзя.

Дима Аркадьевич взял у мамы Нонны фотоаппарат и сделал несколько снимков.

- Пока не высохло, - пояснил он. - Потом вид станет совсем другой.

- Что тут у нас? - склонился над столом Ян Карлович. - Полагаю, письмо подлинное.

Все наклонились над бумагой и внимательно её разглядывали. Лицо Димы Аркадьевича то багровело, то белело, то шло алыми пятнами, а потом и вовсе позеленело.

- Неужели... - Дима Аркадьевич рванул воротник, словно рубашка стала ему мала, - неужели это правда?

Катя могла бы поклясться, от карты пахло невероятной тайной и предвкушением необыкновенных приключений.

- Кто-нибудь объяснит мне, в чём дело? - не выдержала мама Нонна.

- Да! - подхватила Катя. - И мне.

- Зинаида Ивановна, пожалуйста, вы, - попросил Дима Аркадьевич.

- В этом документе, - сказала Зинаида Ивановна и кивнула на стол, - управляющий рудником докладывает своему хозяину, знаменитому Акинфию Демидову о том, что бумагу сию, вероятно, обронили воины джунгарские, удиравшие от защитников крепости. И спрашивает, как распорядиться картой Золотой Кошки.

- Только что на наших глазах произошло важное научное событие! - заключил Ян Карлович.

Мама Нонна с уважением смотрела то на бывшего мужа, то на бумагу. Вот ведь как бывает, живёшь рядом с человеком, считаешь его мечтателем, а он запросто научные открытия делает.

– К-какие воины? – Гриша начал заикаться. – К-какая к-крепость? К-какая к-карта?

В комнату вошла запыхавшаяся бабушка Антоновна, вытирая руки о фартук. Следом за ней семенила бабушка Семёновна.

– Ну, – хором спросили бабушки, – так где искать ваш клад?

– Клад? – изумилась мама Нонна.

– Клад, конечно, – подтвердила бабушка Антоновна. – А что же это по-вашему?

– Мама! – простонал Дима Аркадьевич. – Ты же взрослый человек!

– Вот именно, – кивнула Антоновна. – И за свою взрослую жизнь видела немало взрослых людей, нашедших клады, спрятанные другими взрослыми людьми.

– Так где клад зарыт? – спросила бабушка Семёновна.

– Мама! – схватилась за голову мама Нонна. – Ну ты-то здравомыслящий человек.

Дима Аркадьевич отвернулся, зажимая рот ладонью, плечи его тряслись.

– А то! – почему-то оскорбилась Семёновна. – Ещё бы я да не здравомыслящий. И здравый смысл подсказывает мне, что одни люди имеют обыкновение закапывать клады, а другие – находить.

Археологи заулыбались.

Гриша принялся. С кухни доносились аппетитные запахи.

– Бабушки Антоновна-Семёновна, а кормить сегодня будут?

Антоновна всплеснула руками, Семёновна охнула, и бабушки дружно бросились в кухню накрывать стол к обеду.

- Гриша! - одёрнула сына Галя.

- А что? - оправдывался мальчик. - Я есть хочу.

- Прямо не знаю, как тебя научить хорошим манерам, - покраснела Галя.

Водитель Глеб заступился за Гришу: - Когда голодный, не до этикета.

Гриша на шаг придвинулся к Глебу, почувствовав в нём защитника.

Галя виновато улыбнулась: - Да я всё понимаю. Только неудобно. В гостях ведь.

- Как тебе не стыдно! - упрекнула её мама Нонна. - Ты для нас как родная. Мы с тобой столько лет вместе работаем и отдыхаем, и наши дети за одной партией сидят. И правильно, что Гриша чувствует себя здесь как дома.

- Вот именно, - поставил точку в разговоре Глеб.

После обеда долго пили чай, а потом сидели за столом в ленивом блаженстве.

- Хорошо у вас, - сказал Ян Карлович.

- Настоящий дом, - одобрила Зинаида Ивановна.

- Мы этот дом с Диминим папой много лет строили, - кивнула бабушка Антоновна и вытерла слёзы.

Кате всегда было обидно, что она совсем не помнит дедушку. Но всё в доме сохранялось так, как было при дедушке.

- Старинные вещи просто прелесть! - восхитилась Галя. - Какие дивные комоды.

- Эти комоды мне по наследству от бабушки достались, - сказала Антоновна. - А зеркало было аж от первых горных инженеров. Красиво жили люди! Построили в глухом лесном краю уголок Санкт-Петербурга. Вообразите: дома, парадные,

мостовые, кареты... И театр устроили не хуже императорского, новые представления чуть не каждый день.

- Зачем? - удивился Гриша.

- Чтобы по дому меньше скучать.

- Делать нечего, - фыркнул Гриша. - А зачем тогда приехали в такую даль? Жили бы в своём Петербурге, по театрам разгуливали.

Водитель Глеб улыбнулся: - Заземлённая ты личность, Григорий. А как же великие дела? Если бы все по домам сидели, кто открытия делал бы?

- А что здесь открывать-то? У нас же нет ничего особенного, - недоумевал Гриша.

Все рассмеялись, а Ян Карлович доброжелательно пояснил: - Ничего особенного у нас, конечно, нет. Разве что красивая природа да исторические памятники, да золото, да камни самоцветные, да драгоценные залежи разных элементов таблицы Менделеева. Мы буквально ходим по ним, вот и не замечаем.

- Ну, золото понятно, а памятники что? Их не продашь, не купишь, какая от них польза? Так, украшения, - сделал вывод Гриша.

- Гриш, я тебе потом объясню, - пообещала Катя. И перевела разговор на другую тему. - А что делать с картой?

- Это вопрос, - прогудел Ян Карлович.

- Сначала мы её изучим, - невозмутимо ответила Зинаида Ивановна.

Как только старинная бумага высохла, её убрали в прозрачный ларец. Дима Аркадьевич ловко защёлкнул замочки, нажал разноцветные кнопки, словно беззвучно сыграл аккорд. На табло загорелись цифры.

- Что это? – удивилась Катя.

- Переносное хранилище. Ветхие вещи лучше хранятся при определённой температуре и влажности, вот я и запрограммировал дорожный короб. Теперь можно сколько угодно рассматривать твою находку.

Все столпились вокруг стола и разглядывали бумагу. Глеб и мама Нонна сидели в стороне и молча наблюдали.

- Определённо, это карта, – заключил Ян Карлович.

- Да это может быть что угодно, даже детский рисунок, – возразила Зинаида Ивановна.

- Зачем докладывать золотопромышленнику о простом рисунке? – поддержала Яна Карловича бабушка Семёновна. – Да ещё и прятать его в зеркале?

- Этого мы не знаем наверняка, – Дима Аркадьевич почесал лоб. – Мы даже не знаем, действительно ли этот документ обронили во время бегства джунгары или это стечение обстоятельств. Возможно, джунгары ни при чём, а листочек лежал в районе их пути, и нашедшие его подумали, что он джунгарский. А возможно... – Дима Аркадьевич огорчённо вздохнул. – Единственное, в чём мы можем не сомневаться – это то, что возможно всё! Даже то, что невозможно.

- С научной точки зрения вы правы, – согласилась Зинаида Ивановна. – Посмотрите, какая прекрасная кошка. Она вам никого не напоминает?

- Скифская кошачья гривна. Было что-то подобное в раскопах Полосьмак, – не задумываясь ответил Дима Аркадьевич.

Археологи переглянулись.

- И не только у неё, – добавил Ян Карлович. – Это же типичный...

- Скифо-сибирский стиль! – закончили учёные хором, поздравляя друг друга.

Гриша смотрел на них, раскрыв рот: – Чего это они?

– Радуются люди, – пожала плечами Катя. – Для них найти скифские мотивы как для тебя получить годовые пятёрки по всем предметам: теоретически возможно, но в жизни ведь так не бывает.

– Вроде как чудо, – Гриша уважительно кивнул.

Ян Карлович услышал эти слова и подхватил: – Вот именно, чудо! Ещё какое!

– И что с этим чудом делать? – прервал общее ликование Глеб.

– А что с ним делать? – скис Дима Аркадьевич. – В институт отвезём.

– А потом что? – заинтересовался Гриша.

– В лаборатории документ изучат. Потом в музее выставят.

– И всё? – Катя была разочарована.

Она представляла, как лунной ночью они выкапывают сундуки с золотом в каком-нибудь укромном месте. А тут всего-навсего музей. В стеклянной витрине томится карта. А клады так и остались ненайденными.

Мама Нонна понимающе улыбнулась.

– Так положено, Катёнок, – объяснял Дима Аркадьевич. – И потом, клад по этой карте всё равно не найти.

– Почему? – в один голос воскликнули Катя и Гриша.

– На этой карте не указано, где искать.

– Как это не указано?! – возмутилась Катя. – Очень даже указано. Вот горы, вот река, вот лес, озеро и, кажется, пещера. А в пещере – кошка. То есть клад!

– Кошка-то золотая, – поддакнул Гриша.

Вошедшие в этот момент Семёновна и Антоновна застали своих гостей в странном виде. Галя кивала, Ян Карлович задумчиво поглаживал бороду, Зинаида Ивановна тёрла подбородок, а Гриша наморщил лоб так, что стал похож на сушёное яблоко.

– Что случилось? – встревожилась Антоновна.

Дима Аркадьевич нервно расхаживал по комнате. Катя умоляюще смотрела на него и глаза её всё больше напоминали солёные озёра.

– Да я бы и сам рад, Катёнок, – оправдывался Дима Аркадьевич. – Но пойми ты: где нам искать это место? У нас в крае почти двадцать тысяч рек. И столько же озёр. Про горы и леса и говорить нечего, на любой вкус есть. Да и пещер сколько угодно. – Дима Аркадьевич обречённо махнул рукой. – Разве можно весь край объехать?

– Давай объедем! – попросила Катя.

Дима Аркадьевич схватил обеими руками голову: – Наш край по размеру как четыре Швейцарии или две Португалии или полторы Греции, или четыре Дании! Весь край нам за всю жизнь не перекопать.

Зинаида Ивановна подошла к Кате. – Катенька, не обижайтесь на папу. В жизни не всегда получается сразу всё, о чём мечтаешь. Но если не отступитесь от своей мечты, вы непременно найдёте вашу Золотую Кошку.

– Вы так думаете? – Катя перестала всхлипывать.

– Я в этом совершенно уверена.

– Я тоже так считаю, – протянул Ян Карлович. – Вспомните Шлимана или Полосьмак. Они с детства мечтали найти свои раскопки. И ведь нашли же! Так что не спешите огорчаться.

Сосредоточенно рассматривавший карту Глеб спросил: – А что это за кошка?

– Снежный барс или манул, – предположила Галя.

– А я думал, это какая-то особенная кошка, – разочарованно сказал Гриша. – А это всего-навсего снежный барс.

Бабушка Семёновна задохнулась от возмущения. – Всего-навсего? Да манул и ирбис в Красной книге! И чему вас теперь в школе учат?

До пенсии бабушка Семёновна была учительницей биологии и краеведения. Она очень любила зверей, птиц, рыб и растения, и всегда переживала, когда дети не интересовались природой. «Как можно не любить и не знать природу? – закипала Семёновна. – Да ещё такую природу!» Однако жизнь постоянно подсовывала ей примеры, что оказывается да, можно не любить, можно даже не замечать, какой красивый и удивительный мир вокруг. В таких случаях Семёновна объявляла войну невниманию и принималась перевоспитывать невежду. И надо сказать, это ей прекрасно удавалось. Кто-то отлично рисует, кто-то поёт, кто-то строит дома или конструирует автомобили. А бабушка Семёновна умеет видеть красоту в каждой травинке и даже в каждой луже, и в каждом червячке. А главное, она умеет дарить эту красоту другим! И они вдруг начинают замечать, что у голубя переливаются крылья, что у коровы глаза философа, а незабудки на дворовой клумбе пора полить. Бабушка Семёновна решительно взялась за Гришино перевоспитание и тут же повела его смотреть ирбиса в книге с картинками.

– С этим всё понятно, – проводила его взглядом Катя. – А нам что делать?

В дальнем углу сада, на Грустной скамейке, Катя разговаривала с мамой.

На самом деле скамейка, конечно, не была ни грустной, ни весёлой, это была самая обычная деревянная скамья, покрашенная фиолетово-лавандовой краской. Папа специально вкопал её за разросшимися кустами вишни, чтобы можно было за ними спрятаться, когда на душе кошки скребут. Каждому иногда хочется погрустить или побыть одному. Мама часто сидела здесь и рисовала эскизы, а Катя забредала в эту часть сада только когда поспевала вишня. Просто одни люди любят сидеть в одиночестве, а другие нет.

– Катенька, не расстраивайся. Что же делать, если на этой карте не написано ни одного названия. А похожих мест в наших краях много.

– И что, я теперь никогда не найду этот клад?

– Почему никогда? – обняла её мама Нонна. – Когда-нибудь найдёшь. Знаешь что? Мы можем начать собирать подходящие места.

– Как это?

– Будем брать на заметку все места, соответствующие этой карте и проверять их.

– И где мы будем брать такие места? – угрюмо спросила Катя.

– Будем много путешествовать. – Мама Нонна увлеклась своей идеей. – Изучим край вдоль и поперёк.

– Мам, ну и кто из нас фантазёрка? Наш край огромный! И вообще, с чего ты взяла, что на карте именно наш? Это может быть любое место на земле.

– Я об этом не подумала, – смутилась мама. – И всё-таки мы попробуем. Для начала съездишь с папой в экспедицию. А там посмотрим.

Мама Нонна ушла помогать бабушкам, а Катя ещё долго сидела одна на Грустной скамейке, горько вздыхая и мечтая узнать, где находится место, изображённое на карте и что это за кошка такая. И почему она улыбается? И кто эту карту нарисовал? И зачем? И ещё – как карта оказалась в зеркальном плену, кто её спрятал и от кого? И когда это было?

Вечером Дима Аркадьевич перенёс заснувшую на Грустной скамейке Катю в детскую. Мама Нонна взмахнула ярким покрывалом и оно разноцветным облаком опустилось на кровать, укутав спящую девочку.

– Дим, мне так её жалко, – вздохнула мама Нонна. – Катя так сильно расстроилась из-за этой карты. Лучше бы мы её никогда не находили.

– Да, Катёнок принимает это близко к сердцу, – согласился Дима Аркадьевич. – В науке надо быть готовым к любому повороту событий.

- Но она не учёный, Дима. Она ребёнок!

Родители постояли рядом с кроватью, глядя, как Катя вздыхает во сне, и вышли из детской.

Следом за ними в Катину комнату зашли бабушки.

- Ох, даже во сне переживает! - покачала головой Семёновна.

- От таких переживаний и заболеть может, - испугалась Антоновна.

- Может, устроим ей этот клад? - спросила Семёновна. - Пусть она его найдёт и обрадуется.

- Где и как? - сразу заинтересовалась деталями Антоновна.

Вскоре на кухне четверо взрослых решали непростой вопрос: кто, когда, куда и что именно спрячет, чтобы Катя это «случайно» обнаружила. Решили, что проще всего подsunуть находку в экспедиции. Осталось выяснить, из чего приготовить «клад», который Катя найдёт.

Когда утром Катя спустилась вниз, в доме никого не было. Кухня и веранда были пусты. Катя выглянула во двор. Мама, папа и бабушки завтракали в Оранжевой беседке.

- А где все? - присоединилась к ним Катя.

- Уехали вчера вечером, когда ты уже спала. А Галя с Гришей поехали на пруд, - объяснила мама Нонна.

- А мы чего с ними не поехали? Могли бы и разбудить. - Катя любила купаться, пруд был мелким и вода в нём всегда тёплая.

- А мы с тобой поедem в другое место, - ответил Дима Аркадьевич.

– Какое? – Катя зевнула. Гришка сейчас купается, а её, наверное, родители потащат с собой по магазинам. Или ещё в какое-нибудь скучное место.

Взрослые переглянулись.

– Ты завтра уезжаешь в экспедицию, – торжественно сообщила Семёновна.

– А сегодня мы будем собирать вещи в поездку, – добавила Антоновна.

Дима Аркадьевич встал из-за стола и пошёл к машине.

– Бабушки выдали папе список покупок на пяти листах, – рассмеялась мама Нонна. – Теперь ему до вечера по магазинам ездить придётся.

Катя и побежала к машине: – Пап, возьмёшь меня с собой? Фотографии напечатать надо.

И она убежала в дом за фотоаппаратом.

– Ну вот, – Антоновна была довольна, – Катюша и отвлеклась от своего клада.

– Главное – переключить внимание, – согласилась Семёновна.

Мама Нонна смотрела, как дочь несёт фотоаппарат.

– Я бы не сказала, что Катя забыла о кладе, – встревоженно заметила она. – На снимках-то будет карта!

А на следующий день крытый брезентом болотного цвета автомобиль шустро бежал по трассе. Несмотря на ранний час, шоссе было перегружено транспортом, и уазику приходилось то сбавлять скорость, пропуская многотонные фуры, то разгоняться на более-менее пустынных отрезках пути. Но ехать медленно приходилось гораздо чаще.

– Пап, а чего мы так плетёмся? – Кате не терпелось поскорее добраться. Как глупо двигаться черепашьими шагами, когда где-то там впереди тебя ждут настоящие археологические раскопки.

– Катёнок, мы хорошо едем. Быстрее нельзя.

Нельзя так нельзя. Катя стала смотреть в окошко. Поля, поля, поля, везде поля, проросшие короткими зелёными стебельками. Кое-где поля огораживали уходящие вдаль полосы деревьев, их высаживали, чтобы зимой здесь собиралось больше снега, а весной, когда он растает, поля могли в досталь напиться воды.

Чем дальше ехали, тем больше природа менялась, и вскоре Катя уже разглядывала полноводную горную реку Катунь, совсем непохожую на своих равнинных сестёр. Катунь стремительно неслась мимо тракта, шумно била о камни, словно сердилась на кого-то.

Горы, настоящие каменные горы неприступно высились по сторонам, сурово взирали на пробегающие по серой асфальтовой ленте автомобильчики, такие маленькие и уязвимые по сравнению с этими тысячелетними громадинами, что Катя поёжилась. В городе она никогда не задумывалась о том, что здания и машины появились совсем недавно, а огромная река с мутными от горных пород водами и полоса соснового бора, обнимающая город и уходящая далеко-далеко в другую страну, были с незапамятных времён. С тех пор, как ушёл с этой земли холод, погубивший динозавров. С тех пор, как растаяли ледниковые панцири и, стекая с гор, проложили древнейшее русло. С тех пор, как люди появились в этих краях.

Горы были всегда. И в горах всё по-другому. Другой воздух. Другое небо. И другое время, какое-то прозрачно-тягучее, как невидимый мёд. Катя впервые увидела горы. Дима Аркадьевич и Глеб, улыбаясь, наблюдали за потрясённой девочкой. Несколько раз она поворачивалась к ним, порываясь сказать, как поразили её горы своей строгой и величественной красотой, но не смогла найти подходящих слов.

Когда уазик уже свернул с тракта, Глеб спросил: «Ну, как тебе горы?». И Катя тихонько выдохнула: «Они живые. И... волшебные».

– Ты тоже почувствовала? – обрадовался Дима Аркадьевич. – Они в самом деле живые! И в них так много неизвестного!

– Это точно, – кивнул Глеб. – Неисследованного здесь много, на наш век хватит, ещё и внукам останется.

Уазик притормозил у закрытых ворот и посигналил. Ворота распахнулись, впуская автомобиль. Катя разочарованно смотрела по сторонам. Уютные домики, аккуратно вымощенная дорожка, ухоженные клумбы – всё выглядело вполне современным. И будничным. А где же дикие походные условия? Где палатки на скалистом берегу и котелки на костре? Где полевая лаборатория, без которой немислима настоящая археологическая экспедиция? Папа столько рассказывал ей о своих походах, что Катя в деталях представляла как выглядит лагерь археологов, а здесь ничего, абсолютно ничего из его рассказов не было!

Навстречу им спешили Ян Карлович и Зинаида Ивановна, оба в белых панамах, в шортах и шлёпанцах на босу ногу, как будто возвращались с пляжа. От возмущения у Кати наворачивались слёзы.

– Папа, а где же... Где же всё?

– Что всё? – не понял Дима Аркадьевич.

– Где ваши разборные домики, где полевой клуб, где реставрационная лаборатория, где походная баня? – Катя обвела рукой обустроенную территорию базы отдыха. – Тут же ничего нет!

– Условия и правда непривычные, – улыбнулся папа. – Но придётся довольствоваться и этим.

Катя поняла, что он смеётся и обиженно насупилась.

– Видишь ли, Катёнок, – извиняющимся тоном начал Дима Аркадьевич. – Боюсь, что в обычном походе слишком трудно и опасно для ребёнка, и мама бы тебя не отпустила. А здесь ты будешь жить в прекрасном домике, в столовой вкусно кормят, а банька тут ничуть не хуже нашей.

– Но что тут искать? Какие могут быть полевые работы, если и поля никакого нет?

– Катенька, – обняла её Зинаида Ивановна, – вы положительно заблуждаетесь. Полей здесь и в самом деле нет, зато полевых работ хоть отбавляй.

– Как это? – не поверила Катя.

Ян Карлович, помогавший Диме Аркадьевичу и Глебу выгружать вещи из машины, объяснил: – Скоро поблизости будет строительство. Но до того, как экскаваторы начнут рыть котлованы, мы исследуем каждый сантиметр будущей застройки.

– Зачем? – удивилась Катя.

– Такой у нас край. На каждом шагу памятники старины. Поэтому мы сначала проверим, нет ли здесь находок времён каменного, бронзового или железного веков, например. А потом уже разрешим строителям делать всё, что им заблагорассудится.

– Вот эта часть базы, – Дима Аркадьевич показал на домики, – проверена несколько лет назад. А вон ту, – он махнул вдаль и Катя увидела огороженный красно-жёлтой лентой пустырь, – мы начнём работать завтра.

– А почему не сегодня? – Кате не терпелось увидеть, как ведутся раскопки.

Археологи переглянулись и рассмеялись.

– Катенька, вы не обидитесь, если я задам вам нескромный вопрос: кем вы собираетесь стать, когда вырастаете? – поинтересовалась Зинаида Ивановна.

Катя пожала плечами: – Не знаю, я ещё не думала об этом.

А Дима Аркадьевич почему-то смутился.

База отдыха полностью оправдывала своё название, отдыхалось на ней отлично! В столовой вкусно накормили, в домике Кате досталась розовая спальня, как у принцессы. Под зонтами прятались от солнца шезлонги, в которые уселись пожилые учёные и вскоре заснули, а Катя с папой гуляли по берегу и разглядывали камни в прозрачной воде Телецкого озера.

- Пап, давай сегодня начнём работать. Пожалуйста, - попросила Катя.

- Катёнок, сегодня нельзя.

- Почему?

- Солнце пошло на закат, день к упадку. Начнём завтра на восходе.

- Папа! - Катины глаза округлились. - Ты суеверный? Как бабушка Антоновна?

- Да вроде нет. - Дима Аркадьевич даже удивился. - В приметах часто накоплена народная мудрость. Тысячи лет люди пользовались ею.

- Если мудрость, тогда ладно, - смилостивилась Катя. - Потерплю до утра.

Папа внимательно посмотрел на неё, прикидывая что-то в уме, и поднялся.

- Знаешь что, Катёнок? Поедем-ка с тобой на лошадях кататься, - предложил он.

- Но я же не умею.

- Вот и хорошо. Научишься. Пойдём найдём инструктора.

Дремавший в соседнем кресле Ян Карлович приоткрыл глаза и посоветовал: - Возьмите тёплые вещи.

- Зачем? - Кате было смешно. - Жара такая.

- Возьми, не пожалеешь, - пообещал Ян Карлович и снова уснул.

Через несколько часов Катя почувствовала правоту его слов. Как только солнце стало садиться, в горах наступила прохлада и озябшая Катя натянула свитер, тёплые носки и шапочку. Они не спеша ехали верхом и любовались вечерним небом, невозмутимыми горами и Телецким озером, которое испокон веков почему-то называют Золотым. Наверное, потому что вокруг всё правда было золотым – и озеро, и закат, и даже воздух золотился.

– Много веков назад, – рассказывал Дима Аркадьевич, – в этих краях жили удивительные всадники. Они были прекрасными воинами и умелыми мастерами. Соседи так боялись этих непобедимых воинов, что построили Великую стену, чтобы отгородиться от них.

Кате казалось, что горы тоже молча слушали папин рассказ и вспоминали те далёкие времена.

– Пап, а у гор есть память?

– Думаю, есть, – кивнул Дима Аркадьевич. – Эта земля, эти горы помнят такое, о чём мы даже и не догадываемся.

– Даже ты? Ты ведь всё-всё знаешь, что раньше было.

– Эх, Катёнок... Никто не знает всего. А тем более того, что было здесь тысячи лет назад. Но я очень хочу узнать.

– Поэтому ты стал археологом?

– Да. Я мечтал об этом с детства. Найти свою историю.

День заканчивался. Им было хорошо ехать вместе и молчать, отчасти лениво, отчасти мечтательно, а больше всего потому, что в этом уходящем с закатом дне, в этих загадочно молчащих горах Золотого озера было так приятно, что не хотелось портить это ощущение словами. В воздухе неслышной музыкой разлилась вечерняя заря, будто нарисованный звон золотых колокольчиков.

Подкралась темнота и мгновенно спрятала горы и Золотое озеро.

Катя и Дима Аркадьевич вернулись на базу затемно и в столовую шли по освещённой фонарями заасфальтированной дорожке, совсем как в городе, и от этого Кате стало немножечко скучно.

Засыпая, Катя представила скачущих по горам всадников.

Катя проснулась и удивлённо огляделась. Ах, да! Она же в экспедиции. Пусть это и не настоящая экспедиция с трудностями и лишениями, но всё равно жизнь прекрасна. Солнце светит, день погожий, красота! Солнце светит? Катя соскочила с кровати, подбежала к окну и рывком отдернула шторы. Утро, прохладное туманное горное утро уже прошло, солнечный свет щедро заливал комнату. На улице люди уже сняли тёплую одежду и разгуливали в лёгких летних нарядах. Неужели она проспала? Ну, папа, почему же он её не разбудил? Вопросы наскакивали один на другой и сваливались в кучу. Катя быстро оделась и побежала к огороженному участку.

Археологи работали и, похоже, уже давно. Они успели разметить свой участок на квадраты и раскапывали два крайних, находящихся в противоположных концах. На одном квадрате работал Дима Аркадьевич с Зинаидой Ивановной, на другом – Ян Карлович. Возле ограждения столпились любопытные и наблюдали за работой учёных. Дима Аркадьевич срезал дёрн и бережно относил его в тень. Зинаида Ивановна маленькими, похожими на детские, инструментами ворошила землю.

– Они что, растения перевозить собираются? – недоумевали зеваки.

– Да нет, это они грибы садят.

– Скажете тоже, – презрительно фыркнул полный турист с фотоаппаратом.

– А что они, по-вашему, делают? – настаивала на своём старушка в камуфляжных шортах.

Катя засмеялась. Какие глупые эти взрослые, не то что её папа. И она позвала: – Па-ап! Па-а-па!

Дима Аркадьевич огляделся.

- О, Катёнок! Проснулась? Ты позавтракала?

- Нет ещё. Пап, объясни, что вы делаете, а то они говорят - грибы сажаете или гербарии собираете.

- Понимаете, голубчик, - обратилась Зинаида Ивановна к стоявшему ближе всех туристу в мокром оранжевом спасательном жилете, - люди жили в этих местах ещё в каменном веке и мы находим иногда их примитивные орудия. Некоторым из них тысячи лет.

- Сколько-сколько? - перебил её турист с фотоаппаратом. - Если им тысячи лет, как же они сохранились до сих пор?

- А что им, каменным, сделается? - улыбнулась Зинаида Ивановна.

- Так вы камни доисторические ищите, что ли? - поинтересовался турист в спасжилете.

- Мы производим раскопки, - объяснял Дима Аркадьевич. - Найдём каменные орудия - хорошо. Найдём бронзовые и медные посуду или оружие - тоже хорошо. Найдём керамические горшки и стеклянные бусины - снова обрадуемся. Железной конской сбруе, например, или ножу тоже рады будем. Мы, археологи, что найдём - тому и рады.

- Так вы что же, даже не знаете, что ищите? - изумился турист с фотоаппаратом.

- Не знаем, - усмехнулась Зинаида Ивановна. - И никто не знает. Да и как узнать, что было на этом месте двадцать пять веков назад? Вот когда найдём, тогда и узнаем.

- Тут тысячи лет люди жили. И неизвестно, что они нам оставили на память. Бывает, что и ничего не находим. А бывает, попадётся зеркальце серебряное и сразу понятно, что и две тысячи лет назад модницы любили на себя полюбоваться.

– Серебряное? – присвистнул кто-то. – А золото находили?

– Редко, – честно признался Дима Аркадьевич. – Золотые курганы давным-давно бугровщики разграбили.

– Жалко, – вздохнул турист с фотоаппаратом.

– Очень жалко, – согласилась Зинаида Ивановна. – Да вы не ждите здесь, работаем мы осторожно и медленно.

– А вы, когда найдёте, нам покажете? – по-детски спросила камуфляжная старушка.

– Всё покажем и расскажем! – Дима Аркадьевич сиял, будто ему подарок сделали.

– А сфотографировать дадите?

– Непременно. Вы отдыхайте, а если мы что-нибудь найдём, мы вас позовём, – успокоила Зинаида Ивановна.

– По радио объявить можно, – посоветовал кто-то.

Любопытные разбрелись по своим делам.

Катя поднырнула под ленту ограждения и встала рядом с отцом.

– Пап, можно я с вами поработаю? Ты чего меня не разбудил? Почему ты так обрадовался, что находки показать просят, вы же ещё не нашли. Разве у вас наперёд загадывать не плохая примета?

Дима Аркадьевич покачал головой.

– Работать с нами можешь, но только после завтрака. Не разбудил, потому что жалко было. Утром сыро и холодно, а ты так сладко спала. А примету я точно знаю только одну – если людям интересно прошлое их земли, у них есть

будущее. Когда расспрашивают далёкие от археологии люди, для меня это праздник. Значит, мой труд нужен. Значит, люди хотят знать свою историю. Значит, есть будущее у моей страны.

Катя задумалась. Она всегда считала, что археология – это выкапывание старинных вещей и придумывание им объяснений. Конечно, есть аппараты и химикаты, которыми делают анализ и точно определяют возраст находок. Но в целом кто такие археологи? Копатели и выдумщики прошлого. А, оказывается, они делают это для будущего!

К раскопкам подошёл Глеб.

– Пойдём завтракать? – предложил он.

– А вы тоже только что встали? – обрадовалась Катя. Не очень-то приятно быть единственной засоней в компании.

– Что ты! – засмеялся Глеб, – у меня уже обед. Встаю я с солнышком.

В просторной столовой было светло и уютно. На столах домашние клетчатые скатерти, цветы в горшочках. Катя вчера не обратила на это внимание, а теперь ей стало интересно: – Почему они не вазах?

– Сама подумай, – хитро прищурился Глеб.

– Срезанные цветы в вазах быстро вянут и их надо всё время менять?

Глеб кивнул: – А чтобы поставить в вазу новые цветы, их надо сначала...

– Сорвать! – продолжила Катя. – Я поняла: чтобы менять цветы в вазах, нужен человек, ему платить надо. И сейчас он, наверное, в отпуске.

– Ничего себе, детки пошли! – возмутился Глеб. – Жалко людям цветы резать, понимаешь? Не хотят растениям вред причинять.

– А зачем тогда цветы растут? Чтобы из них букеты делать.

Глеб не стал спорить, лишь вздохнул. Каждый остался при своём. Катя решила, что археологи, пожалуй, и правда странные люди и на всякий случай перевела разговор на другую тему: – Столовая почти пустая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/tarasava_yustasiya/zolotaya-koshka

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)